

Владимир Кулеба

Жили-были «Дед» и «Баба»

*«Защити нас, ЦК и
Лубянка,
Больше некому нас
защитить!»*

Станислав Куняев

Валя и Ваня

А как дружно они жили! Пришли на работу в отдел транспорта ЦК Компартии Украины почти в одно время, помогали друг другу постигать азы непростой и очень специфичной аппаратной науки. Специфика — хорошо, но гораздо важнее — оставаться человеком: не подличать, не подставлять, не закладывать друг друга. Наоборот — страховать, выручать, когда надо — плечо подставить. Жизнь в аппарате — не сахар, одна из немногих отдушин — постоянно чувствовать, что рядом, в одной комнате — порядочный человек. Тогда можешь смело считать: тебе повезло! Они считали, им обоим повезло! Могла ведь судьба и по-другому распорядиться. А так — и в шахматы в

обеденный перерыв, и семьями в отпуск в дом отдыха в Гантиади, в солнечную Абхазию, Страну Души.

Отдохнули, что ты! Катранов ловили, перед ужином накрывали на летней кухоньке, весь дом отдыха сходился на посиделки при луне. Винцо местное в селе у знакомого дедушки Чавчавадзе брали, а то и чачу, помидорчики сладенькие, душистый перчик, киндзу, лаваш горячий, только что из жаровни, персики, виноград — красота, в самом деле — Страна Души! Все вместе, с детьми, ездили на озеро Рица, в черных бурках, верхом на лошадях, перепоясанные патронами, как в кино, фотографировались на перевале. Шашлык кавказский в ресторане «Поплавок», почти на воде, на самом озере, руку только протяни — вода. Холодная, правда, восемь градусов, не покупаешься.

Приехали в сентябрьский Киев — неуютно: дожди, ветер задувает, гонит по улицам пожелтевшие осенние листья. А они — черные, отдохнувшие, люди на улицах оглядываются, головами качают. Впечатлений на целый год. Повезло, что говорить. Да каждый, кто тянул нудную чиновничью лямку, скажет вам, как нелегко подгадать отдых вместе, в одно время, когда в одном отделе и должен подменять коллегу.

И квартиры в новеньком цэковском доме, на

Чкалова, получили одновременно, жалели только, что оказались на разных этажах. Переезжали зато вместе, сначала Валентина в одну из суббот перевезли, а после, через неделю — Ивана. Специально подгадали, чтобы два раза погулять. Могли б ведь, если честно, и за один раз управиться. Хоромы достались шикарные — большие, просторные, с улучшенной планировкой, балконы в каждой комнате, на кухне — застекленная лоджия! Жены не могли нарадоваться, даже поплакали немного. Четырехкомнатная — Валентину, у него дочка уже замужняя, две семьи получается, и трехкомнатная — Ивану, его малая в девятой класс тогда ходила.

В совминовских и цэковских домах, известное дело, после вселения не надо заниматься ремонтом: все вылизано, подогнано, выскоблено набело. И старая мебель на фоне светлых стен с образцово-показательной, хоть на выставку, побелкой, конечно же, не смотрелась. Жены дружно решили эту рухлядь в новый дом не брать. Так что, им — новые хлопоты.

И здесь повезло: Иван, еще по работе в Киевском горкоме партии, был вхож к самому директору «Киевмебели» Николаю Пристайко. Тогда — не то, что сейчас — нашлись бы только деньги, пойдти и купи, что хочешь. Одна фирма на весь Киев, туда весь город на поклон к директору

ездит.

Делать нечего, и они, предварительно созвонившись, поехали на базу — на самую окраину, на выселки, в конце Оболони. Конечно, не с пустыми руками — взяли литр финской водки, в своем буфете — разных дефицитов типа карбоната, корейки, копченостей, каких давно в обычных магазинах не было. Николай оказался своим в доску мужиком, и они договорились, что через неделю сюда приедут их жены, которым покажут образцы мебели и помогут выбрать. В то время, кто помнит, чтобы приобрести в магазине элементарную софу — желающие записывались в очередь, два года каждую неделю ходили отмечаться, да и то не всегда добивались положительного результата. А пропустил хоть раз свою очередь, не пришел на переключку — привет! Так что мебель и все прочее для новых квартир — доставали совместно.

По вечерам ходили друг к другу на чай или поужинать, а то и стаканчик вина пропустить. Теперь, вспоминая те блаженной памяти времена, спрашиваешь себя: да неужели и вправду такое могло быть? Вот так, запросто, в тапочках и халатах шныряли по несколько раз то в одну, то в другую квартиру? По утрам ребром монеты или ножиком стучали по трубе легонько, чтобы соседи не ругались, хоть и свои все, с одной работы — тем более неудобно. Такой условный сигнал: выходим,

мол, встречаемся на улице.

Их дом, как и многие цэковские, расположен территориально почти в центре, но очень неудачно — в глубокой яме перед площадью Победы. На редкость неудобно в любую сторону добираться. И транспорта общественного никакого — чеши под гору пешкодралом! Может, когда выбирали площадку под строительство, рассчитывали, что все на машинах будут ездить — на служебных или личных. Тогда тех, кто имел в личном пользовании автомобиль, пренебрежительно называли «частниками». В их доме на все 320 квартир — три или четыре авто, из них две — с инвалидным приводом. Правом вызова служебной «Волги» пользовались, начиная с заместителя заведующего отделом. Дом же на Чкалова заселили преимущественно инструкторы и заведующие секторами.

Так что другой альтернативы, как любил говорить их новый генсек М. С. Горбачев, не было. Приходилось добираться пешком. Из общественного транспорта в их микрорайоне курсировал только 71-й автобус — очень редко и по неудобному маршруту, с остановками у каждого столба. А ведь стратеги из строительного управления ЦК могли запросто выбрать любую площадку в Киеве, никакой райисполком перечить бы не стал — зачем связываться, себе дороже! Иван

и Валентин часто обсуждали эту проблему, особенно по пути домой, да еще в ненастную погоду, каждый раз теряя по сорок минут времени. Валентин как-то высказал, что делается так специально — вроде бы и на общих основаниях дом стоит, и не каждый его увидит — в глаза не бросается, чтобы лишних разговоров о якобы имеющихся привилегиях для партработников, номенклатуры, не возникало. Оно, может, и так, только очень уж помпезно выглядела их 16-этажная нарядная башня на фоне старых, поистрепавшихся, давно не ремонтировавшихся фасадов рядом стоящих кирпичных «сталинок» и «хрущевок».

Потом, много позже, поняли: все, что входило в компетенцию управления делами ЦК — всемогущей и бесконтрольной организации-монстра, которая полностью и целиком к тому времени разложилась, — делалось халтурно, бардачно, лишь бы с глаз долой да из сердца вон. Садился в казенную «Волгу» с форсированным двигателем какой-нибудь начальник — и через пять-десять минут на месте. Площадку одним глазом окинет: хорошее, вроде бы, местечко, сколько мы сюда от Крещатика добирались, пять минут? Чего еще надо? Утверждаем! Люди о таком всю жизнь мечтают! А что кто-то мучиться будет, и в снег и в дождь, проклиная этого начальника — так это уже его проблемы. Нам наплевать и забыть

— нас оно не касается.

Итак, сначала до Ярославового Вала, потом спуститься по Свердлова, вверх — через Пассаж, здесь в молочном, на Заньковецкой, обязательно выпить кофе. Своеобразный ритуал, традиция, для этого и выходили раньше на десять минут. Надоедал только беспорядочный наплыв полусонных студентов консерватории, толкающихся здесь с утра до вечера, за ними не протолпиться, все друг друга пропускают вперед, да по три — четыре двойных половинки каждый заказывает. Люди на работу опаздывают, а эти бездельники с невымытыми волосами и в грязных штанах никак не проснутся!

Ну, и дальше — мимо театра имени Франко, по примитивной деревянной лестнице, которую они в шутку называют венецианской, — на родную Орджоникидзе¹. Обойдем знаменитый дом «с химерами» архитектора Городецкого — и напрямик в так называемое «белое здание» ЦК, где размещаются отраслевые отделы.

И со зданием им повезло как! В их «белом» — вольготно себя чувствуешь. Не то, что в «сером», главном, где кабинеты всех секретарей, самого

¹ Сейчас — ул. Банковая. — Здесь и далее — примечания автора.

Щербицкого В. В. Здесь же — ведущие отделы: общий, пропаганды, организационный. Короче, одно начальство, которому лучше на глаза не попадаться. Одно начальство! И сидит оно там до восьми вечера минимум, так что подчиненные тоже раньше не могут уйти. Руководство сидит, так и ты должен бдеть, а вдруг — понадобится! Даже если делать вообще нечего, все равно брюками пол подметаешь.

А каждое утро, без пятнадцати девять, не позже, но можно и раньше, — снова в мясорубку. Мужики в главном, сером здании, на одном энтузиазме держатся, и завидуют, наблюдая из окон, как из «белого дома» народ, сразу после шести вечера, тоненькими ручейками журчит в сторону города или цэковского буфета. Вечерами течение такого ручейка не то, что по утрам — смотреть не на что. В раннюю пору — размашистым бодрым шагом, неся в руках пиджаки, если летом, широко и уверенно движется толпа, так что сверху представляется, будто плывет большое розово-голубое марево. За несколько метров пиджаки дружно надеваются, волна разбивается о порог, новая немедленно набегаёт ей вслед. И так все пятнадцать минут до начала рабочего дня. Ровно в девять — сколько не выглядывай в окно: ни одного человечка, только стук слышится каблучков какой-нибудь

припоздавшей секретарши — проспала, или транспорт подвел.

Что-то в этом есть оптимистичное, когда ощущаешь себя частицей единого организма, машины, все детали которой работают четко, дружно, как часы. И не какого-то там периферийного, второразрядного, а самого главного и властного в республике! Недаром на каждом собрании и совещании постоянно твердят: в аппарат ЦК отбирают лучших из лучших, самых достойных и подготовленных, трижды проверенных и просвеченных насквозь, до десятого колена включительно! Напоминают не для красного словца, а чтобы чувствовали колоссальную ответственность за свою работу и поведение в быту, за престиж организации, которую доверено представлять, и чтобы никогда не забывали о высокой чести, оказанной им партией.

Как могли, оправдывали высокое доверие, справедливо считая, что им повезло в жизни. С Иваном Бабенко часто на досуге рассуждали, как все чудесным образом совпало. Интересная, престижная работа, хорошая зарплата, какие-никакие льготы связи, и коллектив подобрался что надо! У других — одна из перечисленных составляющих в наличии — уже праздник, жуткое везение. А у них с Иваном — надо же — все совпало и сошлось счастливо!

Примерно так когда-то думал и чувствовал Валентин Дидух, «Дед», как его называли в аппарате ЦК, только с тех пор много воды утекло. И сейчас, почти бегом спускаясь по черной лестнице, желал только одного: чтобы не встретиться в лифте со своим другом и сослуживцем Иваном Бабенко, с которым они сидели в одном кабинете и так любили когда-то ходить вместе на службу. И хотя через час они обязательно сядут друг против друга на четвертом этаже «белого» здания ЦК, но пусть это произойдет через час. А лучшее время до начала работы, сегодня, по крайней мере, Валентин проведет один, без Ивана.

Нет, не ссорились, не скандалили, тем более, не интриговали, иногда все еще закрывались на обеденный блиц и занимали друг другу очередь в лавке на хозяйственном дворе, где инструктор имел право за свои кровные два раза в неделю купить кусок свинины чуть дешевле, чем в обычном магазине. То есть, внешне все оставалось по-прежнему и, как всегда, коллеги шутили, указывая на таблички: смотри, действительно — «Жили-были Дед и Баба». Так обыгрывались их фамилии — Бабенко и Дидух. Банальная шутка, местный фольклор, поначалу льстило, теперь же Валентина, например, раздражало. Тем более, что их кабинет знал каждый в аппарате и часто можно услышать:

«Поднимешься на четвертый этаж, мимо кабинета Деда с Бабой, первый поворот направо...»

Сегодня, кажется, пронесло: во дворе — никого, и с лифтом разминулся удачно. Дожился: огородами из родного дома приходится пробираться. И когда это началось? Еще в прошлом году выходили вместе, обсуждали, куда детей из черныбыльского Киева на лето отправлять. Потом, постепенно, накапливалась нервозность, раздражала неспособность по-современному, по-перестроечному мыслить. Впервые проявилось, пожалуй, когда в Киев приехал Горбачев вместе с Раисой Максимовной. Иван — сидим к тому же рядом в столовой — зло бросил в ожидании традиционного овощного супа:

— А за какие деньги он жену за собой таскает? Ты ведь, когда в командировку едешь, супругу не возишь за партийный кошт?

Обычно отмалчивавшийся сосед по столу Игорь Филиппенко, член партийной комиссии ЦК, карающего органа — их, «народных мстителей», которого все побаивались, поддержал Ивана:

— Командировку ей выписывают в Общем отделе ЦК КПСС, суточные — по высшему разряду, проездные — не то, что тебе, — в купейном вагоне. Канцелярия наша ей печати штамповала, оттуда и знаю.

— Эти, курва, наработают! — громко, на всю

столовую выругался Иван своим «трубным», глухим басом. На них зашикали.

Валентин тогда к Горбачеву присматривался, он ему импонировал. И то сказать, после старческого маразма Брежнева, Андропова и Черненко любой нормальный, адекватный человек гением покажется. Даже то, как Горбачев передвигается, чисто внешне — жестикулирует, разговаривает, раскованно себя держит. Да что — по часу говорит человек без бумажки! А раньше ведь как шутили: Брежнев питается от батареек, а Черненко — от сети, из кабинета выйти не может, провода не хватает. И то сказать — под кабинет ему палату больничную переоборудовали, оттуда и управлял страной. Да кто там управлял? Несчастье! Кому, скажите, приятно, когда тобой, да что тобой, — огромной страной и партией руководят законсервированные старцы, мозги у которых давно усохли! Стыдоба, весь мир насмехается!

«Ну, не понимаешь ты, — грустно думал Валентин, — не дано тебе понять, что в Европе, да и во всем мире, супруга лидера государства — первая леди — не кукомой дома сидит, а участвует в общественной жизни, как в Англии или Штатах. Селюк ты, как был, примитив...»

Самое удивительное, что многие в аппарате считали так же. По ЦК ходили упорные слухи, что Щербицкий в упор не воспринимает молодого

генсека, а тот затаил злобу, но никак не может сковырнуть, силенок не хватает, кишка тонка.

— Говорят, она в кабинете В.В. и политбюро проводила, — вставил кто-то.

Это заявление встретили дружным хохотом, все знали отношение их патрона к слабой половине. Да он и на дух не переносил, чтобы к нему на доклад бабы ходили. И для Валентины Шевченко — землячки из Днепропетровска, которую знал много десятилетий, долго и мучительно делалось исключение, прежде чем ввести в политбюро. И если бы Москва с новыми веяниями не вмешалась, не настояла то, не известно, чем бы все закончилось.

— Ты-то как сам считаешь?

— Думаю, хорошо, что Валентина Семеновна у нас есть, она и займет гостью, — дипломатично, как ему показалось, ответил Валентин.

Этот разговор происходил как раз в день начала визита нового Генсека в Киев. Валентин решил не вступать в спор: зачем зря пикироваться, разве таким долдонам что докажешь? Себе во вред только. Тем более, и самому многое не ясно, хотелось бы, конечно, чтобы все постепенно менялось, да кто его знает, куда повернет. После смерти Сталина — сколько шуму: тело из мавзолея вынесли, да все на круги своя со временем вернулось, успокоилось. Как они шутили между

собой: культура нет, но служители остались.

Тогда, в столовой, тот разговор, первая, по сути, сшибка, столкновение мнений — многое предопределил. И то, что он, Валентин, сразу отказался, не захотел поддержать общепринятую линию, преобладавшую в аппарате, пусть и смолчал, но остался при своем — свидетельствовало о робкой, неосознанной до конца попытке иметь собственную позицию. В дальнейшем, он так считал, оно и помогло выработать линию поведения. А именно: ни с кем и ни в какие споры не вступать, отделяться общими фразами, шутками, репликами типа — ты же сам видишь, то ли еще будет, ни в какие ворота не лезет и пр.

Сам же по утрам, оглядываясь, бегал в дальний от дома киоск, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых, за свежими «Московскими новостями», старался не пропустить ни одного номера «Огонька» и «Нового мира». Читать подпольную, как он называл, прессу приходилось украдкой от Ивана, в основном, дома, по вечерам. Тем более, «Новый мир» осиливал с трудом — тяжело давался, все-таки чувствовалась нехватка подготовки. Да и память неприспособленна для такого рода нагрузок. Завел себе специальную тетрадь, две папки унес с работы домой, куда статьи из периодики подшивал, фломастером

подчеркивал главные мысли, делал пометки на полях. Впервые, может быть, так остро почувствовал нехватку образования.

И то сказать — в Институте Гражданской Авиации, который окончил исключительно ценой морально-волевых усилий, постиг в совершенстве два курса: науку преферанса и любви. Девушкам он нравился, как говорила одна из его верных боевых подружек, изначально и до конца. Да и как пройти мимо смуглолицего брюнета, ростом за сто восемьдесят, всегда аккуратно причесанного и одетого, вежливого, внимательного, не нахала, больше молчуна, чем заводилу компании!

— Тебе, — наставляла она, — ничего не надо говорить и обещать. Молча смотри, глаза только пошире открывай, и все девушки — твои.

Кто-кто, а уж она знала в любви толк! И сколько раз Валентин с благодарностью вспоминал ту науку, когда, действительно, иногда, не сказав ни слова, он без труда уговаривал в постель очередную красавицу. Мужики на курсе относились весьма сдержанно, если не сказать, настороженно, считали везунчиком, несерьезным человеком, с которым дружбу водить опасно. Скажите, кому понравится рядом субъект, на которого женщины сами вешаются?! А он, полагая, что так и должно, меняет их через два дня на третий. Согласитесь, терпеть такого типа — по меньшей мере, неразумно.

Валентин свыкся, давно не испытывал угрызений совести, количество побед зашкалило мыслимые пределы и, если сказать правду, поднадоело. Он, как мог, сторонился, волынил, особенно первые после женитьбы годы, но окончательно завязать с интрижками на стороне так и не сумел. Как-то стал замечать, что и уже не может без разнообразия, тянет каждый раз на новенькое приключение. Постепенно двойная жизнь вошла в норму, и он ее воспринимал как неизбежное, хоть и несколько обременительное, занятие.

Более того, все эти штучки-дрючки — недосказанность, многозначительная задумчивость, а то и просто откровенная ложь, но без злого умысла, манипуляции с голосом и глазами, тяжелые вздохи — настолько вошли в привычку, что он и с мужиками на работе, да и просто в общении, охотно пользовался. Сначала — бессознательно, а потом — откровенно преследуя свои цели. Не то, чтобы лгал из корысти, часто и непринужденно импровизировал, немного придумывал, чуть-чуть выдумывал, но также, как и с женщинами, никогда не раскрывался до конца. В аппаратной работе, где процветали наущничество, интриги, нашептывание и натравливание друг на друга, эти качества оказались весьма кстати.

Валентин настолько свыкся с двойной

жизнью, что не представлял, как можно иначе, все проходило будто невзначай, само собой и без усилий с его стороны. Когда началась вся эта свистопляска — Горбачев, перестройка, новое мышление, гласность — выплеснулось столько чернухи и злобы, что лучше и самое правильное было, как ему казалось, затаиться, пусть даже на время, пока. Свое мнение высказывал только по необходимости, отделялся общими фразами из передовиц «Правды», то есть, не высказывал и не светился без крайней надобности. Тем более, когда вокруг царил невообразимый хаос и газета «Правда» (!) то и дело запускала шарады — понять ничего нельзя. Сегодня — одно, завтра — почти противоположное. А как же по-другому? Орган колебался на ветру перемен вместе с партией. С той же амплитудой, с той же робостью и неустойчивостью.

Иван, нафаршированный догмами в лучших традициях политпросвета для домохозяек, читая и почитая только «Правду», доводил себя порою до истерики, когда сталкивался с явными противоречиями. Вот и сегодня, когда Валентин вошел, Бабенко находился уже на месте. Это легко угадывалось по огромному облаку сизого ядерного дыма папирос «Беломорканал», которые на весь ЦК курил только он. Валентин сразу увидел небрежно отброшенную в сторону газету с огромными

вопросительными знаками красным карандашом, что означало новый тур их бесплодной и, главное, никому не нужной дискуссии. К счастью, зазвонил телефон, Иван снял трубку.

— Любовь Ивановна, — забубнил он хриплым прокуренным голосом, — Любовь Ивановна, мать вашу эти, я у вас, бл..., последний раз спрашиваю, эти-эти, когда будет сводка, так-перетак, вы не играйтесь с огнем, бл..., Любовь Ивановна! Вы что, бл..., меня завтраками кормите, эти-эти в печень, вы с ЦК партии в игрушки, мать вашу, играть вздумали, я вам, бл..., последний раз, эти, докладную, бля..., накатаю на вас!

Любой нормальный человек, услышав такую тираду, а орал Иван Бабенко аж слышно на третьем этаже, мог подумать, что он, по крайней мере, попал не в то учреждение, ибо не должны в цитадели всех коммунистических штабов так кричать и выражаться. На самом деле, это был стиль работы куратора железнодорожного транспорта ЦК Ивана Бабенко. Прежде, чем внедриться в «белое» здание на улице Орджоникидзе, не один год отдал производству, вышел и пробился из самой гущи масс. Начинать со знаменитого пролетарскими традициями железнодорожного депо Киев-Пассажирский. В этом трудовом коллективе его и воспитали, здесь он долгое время возглавлял парторганизацию. И хоть

потом прошел и райком, и горком партии, трудовая закалка въелась намертво.

Его манеру — разговаривать (мат через слово), беспрестанно курить (крепкие папиросы) знало и начальство, и все, кто с ним общался по работе, в данном случае — Любовь Ивановна из Министерства транспорта. И не то, чтобы прощали, просто не обращали внимания, привыкли, тем более что сам по себе Бабенко был, в принципе, нормальным мужиком. А со словами, которые у него служили связками между другими словами, он упорно и каждодневно боролся, глотая их окончания, так что разобрать что-либо из его словесных тирад не представлялось возможным.

И подумать только: низкорослый такой крепыш, с вьющимися когда-то волосами, теперь — одни залысины — и такой густой, как из трубы, голос. К нему снисходительно относились и в Зализничном райкоме комсомола, где он был заведующим, а потом и секретарем по рабочей молодежи, и позже, в горкоме, и в партийных органах, называя вечным инструктором.

— Валя, — заорал он, едва положив трубку, — ну где же ты утром был, я тебя ждал до четверти девятого! Ты только посмотри, что газета наша пишет! Неужели Горбатый их так прихватил? — протянул полосу, подчеркнутую красным карандашом.

«Вот как раз делать нечего, как тебя ждать, киоскерша знакомая оставила «Огонек» свежий и «Московские новости», если не выкупишь — оторвут с руками. Теперь в обед бы от тебя оторваться, Коля Воробей из отдела пропаганды обещал листок из «Саюдиса» дать почитать — о пакте Молотова-Риббентропа. После этого дурдома — какое счастье побыть одному, пройтись, подумать, поразмыслить о прочитанном и услышанном. Ты же со своим нытьем про то, как компартию зажимают, все настроение испортит!»

А вслух сказал:

— Да ты бы наши газеты посмотрел, молодежные, например. «Козу» или «МУ»². Одна ведет дискуссию про цвет флага, другая — интервью с Черноволом печатает.

— Придурки, бля, во всю голову, на фиг, да ты читай, — Иван, как всегда, не слышал собеседника.

«Правда» критиковала один из горкомов партии в Одесской области за то, что молодому священнику, отцу Дионисию, не разрешили справить молебен при захоронении обнаруженных

2 «Комсомольское знамя», «Молодь Украины» — популярные в то время республиканские молодежные газеты, сокр. — по первым буквам логотипов.

местными комсомольцами могил солдат, погибших во время войны.

— Ну что, блин, понял, как партийные кадры своя же родная газета по мордасам хлещет! Еще Ленин говорил, насколько вредно заигрывание с Боженькой. Я вот что не пойму, Валя. Горбач, ети его в душу, раз семь уже собирал главных редакторов, выволочку им, козлам, устраивал, с наших партийных позиций, на день-два успокаиваются, а потом — опять пуще прежнего. Вот скажи, как такое может быть?

— И все это льется потоком, — на всякий случай поддакнул Валя. Снова зазвонил телефон Ивана, но уже другой — домофон, «матюгальник», как они его называли между собой. Прямая связь с заведующим отделом. Бабенко среагировал в стиле, которому позавидовал бы прославленный вратарь киевских динамовцев Евгений Рудаков.

— Алло! Слушаю Феликс Петрович! Хорошо, буду тише, записываю...

«Утренняя разминка», — догадался Валентин.

Иван Бабенко курировал железнодорожный транспорт, и львиная доля его рабочего времени уходила на обеспечение билетами всех, кто к нему обращался. Для этого в ЦК имелась своя касса, и известная всему аппарату Наталья по запискам Ивана обилечивала едва ли не пол-Киева. Система такая потому, что в кассах вокзала билетов днем с

огнем не найти, раз и навсегда проданы, причем, на все направления и поезда, на любые дни. Зато спекулянтам — раздолье!

А как же инструкторам, к примеру, в командировки ездить? А в отпуск? А если хороший знакомый или родственник обратится с просьбой помочь? Да что там инструктора! А если кто — из управления делами, а вдруг начальству билеты понадобятся? Оно-то, начальство, как раз все прекрасно понимало, но старательно делало вид, что ничего не замечает и не ведает о том, что творится в их цэковской кассе, куда уходит бронь. Однажды на партсобрании аппарата как-то неожиданно всплыла нежелательная тема, все затаились.

— Билеты? Какие билеты? Вы что там, спекулируете билетами? Партком, немедленно разобраться и доложить!

Тем не менее, каждый следующий день для Ивана начинался, как и всегда, сбором заявок. Так как и у членов политбюро, и у секретарей, заведующих отделами, не говоря уже про прочих, рангом пониже, — целые толпы родственников, которые, особенно в летнее время, куда-то бесконечно перемещаются в поездах с купейными и спальными вагонами.

Хорошо, Валентин, курирующий авиатранспорт, сообразил, как соскочить с

авиабилетов, на выбивание которых уходило добрых процентов восемьдесят рабочего времени. Он постепенно передал всю работу по обслуживанию аппарата на кассу той же Наталье, оставив себе наиболее, как он говорил, ответственную часть: руководство самого высокого ранга, начиная с секретарей ЦК. Поручить такую клиентуру кому-то — чрезвычайно опасно. Один прокол — и с тобой могут попрощаться. Да и глупо было: так — ты на виду, нужный человек, обслуживаешь руководство. При случае о тебе могут вспомнить, отблагодарить, скажем, повышением каким. Для начальства у Валентина имелся специальный резерв, пара-тройка прикормленных нужных людей, которые помогали — не бескорыстно, понятно. А сколько случаев возникало, когда надо среди ночи вдруг кого-то отправить, и обращались к нему, Валентину, и знали — он никогда не подведет. Остальные — «все смертные» — шли через Наташку, она тоже своя в доску. Это он привел ее в ЦК, из рядовой стюардессы человеком сделал.

— Валя, тебя шеф вызывает, — Иван, наконец, закончил записывать наряды руководства.

Шеф, понятно, интересовался сегодняшним совещанием с литерным составом пилотов и персонала, которые будут обслуживать В.В. — так в аппарате называли Щербицкого — в поездках в

Москву и Крым, намеченных на текущий месяц. Просмотрев документы и сделав несколько несущественных замечаний, он спросил:

— Вы кандидатуру на место Марченко подбираете?

— Конечно, три человека нашли, на выбор. Могу доложить завтра, когда справки-объективки будут готовы, есть подходящие кадры...

— Пока отложите эту работу, — шеф выразительно, дольше, чем обычно, посмотрел в глаза Валентину.

Он не спешил возвращаться в кабинет, сквозь открытые двери которого выползло огромное сизое облако дыма и слышался рев Ивана:

— Я вас изнасилую когда-нибудь, Ольга Юрьевна!

Что-то крылось за всем этим, больно странно шеф посмотрел. После сокращения Толи Марченко, который вел автомобильный транспорт, Валентин с Иваном разделили его обязанности, но шеф договорился с секретарем ЦК о кандидатуре еще одного инструктора. «Видимо, где-то, на каком-то этапе, не сработало». Такой пинг-понг процветал в аппарате. Из Москвы, то есть, из ЦК КПСС, присылали директиву о сокращении. В Киеве ее выполняли, в срок докладывали. Через некоторое время запрашивали дополнительную единицу, в Москве делали вид, что ничего не замечают,

закрывали глаза, соглашались с предложением ЦК КПУ.

Так было до Горбачева. Сейчас же, после его темпераментных выступлений о необходимости сокращения аппарата, двигавшееся колесо начало притормаживать. «С него, козла, станется, — говорил Иван, — под сокращение попадем, что тогда прикажешь делать?»

Валентин закурил сигарету «Мальборо», первую за день, обычно до обеда держался, несколько раз с наслаждением вдохнул приятный аромат. Вот неудобство: приходится постоянно прятать от Ивана нормальные сигареты. «Стреляет» безбожно, ему ли не все равно, «Беломором» всю жизнь травится! И с вопросами провокационными пристаёт: «И где ты только их достаешь?» — намекая на то, что на зарплату инструктора — 280 рублей — много таких сигарет не купишь. С утра Валентин обычно не курил, старался дотянуть до обеда, но сегодня не получилось...

— Ты скажи мне, — встретил его вопросом в лоб Иван, — если партия такая плохая, если коммунисты такие тупые, почему же тогда мы войну выиграли? Как за такое короткое время восстановили разрушенное хозяйство? Кто, в конечном итоге, дал право бичевать партию и страну?! — зычный голос Ивана срывался на фальцет, видно, он себя совсем загнал неумным

политиканством.

«Да не помешался ли он совсем? Или — на грани?»

Валентина спасла от ответа и очередной порции отрицательных эмоций стремительно, как всегда, ворвавшаяся в кабинет кассирша Наталья.

— Привет, мужики! — она пожала каждому руки, сначала Ивану, он ближе сидел, потом, немного задержав руку, Валентину.

Он тоже немного задержал прохладную руку и пощекотал пальцами ладонь. Такой у них был ритуал.

Наталья

Пепельные волосы, чуть раскосые глаза цвета спелого миндаля, скуластая, с выразительным ртом, фигура, что называется, в теле — такие нравятся мужчинам. Облегающее платье с глубоким вырезом на груди, чтобы возбуждать их любопытство. Подвижное и сильное тело, выросла в селе, любая работа горит, а готовит как! В кассе колготня каждый день несусветная, потом домой с сумками, груженными дефицитами из цэковского буфета, на все парадное отоваривается, перепродает соседям, как сама говорит, с партийной наценкой, сын в пятом классе, уроки — откуда только силы берутся! Поначалу Валентин домой к ней приходил, а когда

пацан подрост, стали кое-как устраиваться. Мужа выгнала, долго думала, прежде чем решиться, одной ей жить невозможно, потому-то так ненавидела мужицкое племя.

Валентин, когда оставались вдвоем, то ли в шутку, то ли всерьез называл ее гейзером. Познакомились на дне рождения, в стилизованном деревянном ресторане, на берегу Святошинского озера, где она помогала официанткой. Он сразу на нее глаз положил, наблюдая, как быстро и ловко у нее все получалось: порхала по залу, там посуду поменяет, там принесет, незаметно в рюмки нальет и уже опять куда-то спешит. Пригласил ее на водный велосипед, тогда только появились, она согласилась.

Что-то подсказало Валентину не начинать, не спешить, не приставать, когда катались. По опыту знал: иногда бывает полезно пересилить себя, выдержать паузу, взять не напором — хитростью, пойти в обход. Потом окупится сторицей, будет оправдано, с горки покатится. Так и получилось.

На берегу, когда вернулись в компанию, она пристально на него посмотрела. «Вы чего с такими счастливыми глазами?» — спросил кто-то. Сами не знали, так получилось, искра проскочила — и зажгло, закружило, завертело, сама себе уже не принадлежишь! Начали встречаться, в этой же гостинице, при ресторане. У нее администраторша

в подругах, ключи давала — по восемь часов из номера не выползали, набрасывались друг на друга, как с голодухи, как последний раз, до истощения себя доводили. Тогда Валентин и стал называть ее гейзером — про себя, конечно. Постоянно фонтанирующий, мощный и теплый поток, без которого неделю не прожить, не дотерпеть, умом тронуться недолго.

Устроил ее на курсы стюардесс. Мама, еще живая, за сыном присмотреть могла. Само собою пришло понимание — без постели ничего не добьешься, платить мужикам надо, не ею заведено, не ей и отменять. И на курсах, и в экипаже, во внутренних линиях, постигала науку жить.

Подруги учили: не получаешь удовольствия — сопи в две дырки, ничего просить не вздумай, сами дадут, если заслужишь. Короче, хоть и не в парандже, а мыть им ноги надо обязательно. Позже, в международном экипаже, эта наука здорово пригодилась. Старалась не высовываться, незаметной мышкой проскользнуть, почти не красилась, юбки и платья — миди, да чтоб не в обтяжку, туфли на среднем каблуке, все в платок куталась, никаких выкрутасов бабьих, а все равно командир заметил. Было в ней что-то — притягивала мужиков, особенно, когда поначалу тянула резину, колебалась, будто отказывала, они тянулись, как гвозди на магнит. Про это, кстати, ей

командир ночью однажды сказал, а он толк в бабах знал, ни одной новенькой не пропускал в аэропорту.

А потом и Валентин появился, Валентин Иванович, которого все боялись, даже командир. Чуть что — в ЦК на ковер, стружку снимать. От его слова многое зависело. Помочь практически ничем не мог, а вот навредить — запросто, и по-крупному. В общем, отпустил командир к нему. Поначалу с двумя была, но у летчиков какая жизнь — сегодня здесь, а завтра в Индии какой. Да и молодняк ее заменил, так что расстались по-людски.

Новую, цековскую науку преподавал Валентин. И как одеться, и как вести себя, по телефону с кем пошутить, а с кем — сдержанно, официально. Без него, понятно, ничего не предпринимать, никакой инициативы и самостоятельности. Когда немного в курс вошла, осмотрелась — поняла, какая ей хлебная должность досталась. Да ни один инструктор или консультант, которые ЦК брали своим горбом и головой, не имели того, что она и те, кто их обслуживали, — авиа и железнодорожные билеты выписывали, в буфете, на хозяйственном дворе, в ателье, в квартирном отделе — во всем управлении делами ЦК. Хотя и считались низшей расой, техническими работниками, «техрабами», в отличие от тех, кого называли ответственными. Но это — на бумаге, в

реальной жизни, в той, в которую ее ввел Валентин, все наоборот. Имея доступ ко всем благам и льготам, что полагались работникам ЦК, они пользовались ими гораздо чаще и в больших объемах.

Тогда как, скажем, инструктору положено в ателье пошить пару сапог раз в два года, Наталья, раззнакомившись с девушками и обеспечивая их железнодорожными билетами, могла шить сколько душе угодно. Фокус заключался в том, что, скажем, зимние сапоги пошива цэковского ателье обходились максимум в сто рублей, по себестоимости, как здесь говорили. А Наталья их спокойно сдавала по 220, и то еще пусть спасибо скажут. И никаких усилий дополнительных, нервов — девушки к ней сами приходили знакомиться в кассу — в отпуск надо ехать, и не только им, но и родственникам, и их знакомым, и знакомым знакомых. А сколько людей приезжало к каждому в гости, и каждому — уезжать надо. Взять без очереди билет на поезд или самолет, да еще не простой, а бронированный, лучший — об этом можно было только мечтать. Толпы возбужденного народа осаждали вокзальные кассы. А здесь — пожалуйста, бери — не хочу!

Или книжный киоск, где Мила стоит. Книги, как и билеты, в жутком дефиците, по четвергам, в день завоза, очередь, почти как к ней в кассу. Да и

знать надо, какая книга ходовая, это не шмотку тебе купить. Наталья чтивом никогда не болела, но случай помог. Как-то в киоске, в неурочное время, а она старалась приходить так, чтобы народу поменьше, да и выбрать можно спокойно, она встретила Димку, с которым когда-то по молодости водила шуры-муры. Не виделись лет пятнадцать, расцеловались.

Дмитрий Прокопович теперь возглавлял крупный строительный трест, пригласил вечером в ресторан. Ничего у них не склеилось, да и не могло. Про себя она твердо решила — было бы глупо, когда Валентин узнает. Что ж, так просто все потерять, к чему так долго шла, только жизнь начинает развидняться? Но вот с книгами у них получилось. Дима оказался заядлым книголюбом, и они заключили, как он говорил, джентльменское соглашение. Теперь он ходил к Миле как знакомый Натали со списком, который сам и составлял. Куда уплывали потом книги, Наталью не интересовало, она получала каждый месяц с половины. Выходило всего-ничего, рублей по двести, а зарплата у нее в кассе — 140, вот и считай.

Поначалу возникли трения с буфетом. Цэковский буфет начинал работать с шести вечера. Уже за полчаса его осаждали технички, шофера, слесаря, работники управделами, причем, отоваривались чемоданами. Здесь также все

отпускалось по себестоимости и без наценки, продукция отличного качества, и, главное, о чем говорил весь город, чистая, без нитратов и химии вредной. Выращивали в закрытых подсобных хозяйствах в Пуща-Водице и Вишневом, в ограниченном количестве для номенклатуры. В магазинах — докторская колбаса, которую есть нельзя, туалетную бумагу подмешивают. А в их буфете — все вкусненькое, дешевое, качественное — что сарделечки одна в одну малюпусенькие, колбаска детская сливочная, та же докторская, которую и через пять дней можно из холодильника употреблять. Широкий выбор сырокопченых и твердых колбас со всей Украины свозился, свежайший черкасский творог, молочные продукты. Водилась здесь и рыбка — палтус, клыкач, форель, семга — все в полцены. А какой выпекался хлеб! Раз в неделю доставляли воблу — одна в одну, золотистую, аппетитную. Аккуратно паковали по десять штук в промасленные кулечки, чтобы, не дай Бог, жирное пятно не проступило, руки не испачкал кто, укладывая в портфель. По ЦК все с портфелями ходили, а некоторые даже с маленькими чемоданчиками. Наталья поначалу думала — для бумаг, документов важных — оказалось, для продуктов.

Проблема в том, чтобы выстоять очередь в этот самый буфет. После бойцов невидимого

фронта из управления делами, сразу после шести, сюда просачивались инструкторы, завсекторами. Брали они чуть-чуть, по своим деньгам, но все дело в том, что их в аппарате много, и резина тянулась до полвосьмого. И хотя им скармливался весь ширпотреб, да на дефициты у них и денег не было, толкучка создавалась приличная.

Наталья знала, что наиболее уважаемым людям — по специальным спискам — формировались в подсобках объемистые пакеты. Там и ассортимент пошире — и охотничьи сосиски, та же вобла, пять-шесть штук в неделю, и львовские конфеты, красная и черная икорка в стеклянных баночках, гусиный паштет. Вопрос состоял в том, как попасть в этот самый список, тем более, что все начальство — и заведующие, и заместители — отоваривалось по литерному списку. Она это тоже знала. Какое право она имела на него претендовать? Правильно, никакого. А вот в другом перечне, где значились фамилии нужных людей, ее фамилия должна быть, ведь Наталья уж точно нужный человек, без нее куда уедешь?

Поначалу ее удивляло, что никто из буфетчиц, и рядовых, и старших по смене, не обращалось к ней за билетами. Потом поняла — их страховали два заместителя управляющего делами, которые действовали через головы и Валентина, и Ивана. Иван, правда, такая тютя, что скоро весь ЦК будет

лезть через него. Но это многое объясняло: здесь тебе не книжный киоск или ателье, масштабы распределения не те, тонны неучтенной продукции проходят еженедельно, в то время, когда народу жрать нечего! Долго думала: говорить ли Валентину, и если сказать, то когда момент выбрать получше, поудобнее?

Оказалось, тот в курсе, хорошо, что сказала, поскольку б она же неудачно влезла в самый разгар борьбы двух мафий — квартирной и продуктовой, как их называли в ЦК.

— Погоди немного, пусть устаканится, они сами тебя позовут. Только квоты утрясти осталось, а то они много запросили. За количество же не беспокойся — там нам с головой хватит...

Как и все, что говорил Валентин, сбылось и совсем скоро, но Наталье понадобилось немало времени и сил, чтобы вращаться в систему. А того, что она получала по квоте Валентина, ей хватало на себя и ближайших родственников. Но теперь хотелось уже большего. Валентин как-то под настроение процитировал слова Маркса. Вроде того, что каждая удовлетворенная потребность рождает новую. На практике она убедилась: правильная мысль, из жизни.

Еще круче облом получился с хоздвором, причем, не по ее вине. На специально отведенном месте, во дворе, как раз напротив Госбанка,

продавалось молоко на разлив, овощи, фасованная свинина. Если честно, то кроме этой самой свинины и брать нечего: молоко кипятить надо, быстро скисало, а овощи в обычном магазине куда лучше можно выбрать. Свинина же — так себе, но если представить в страшном сне, что надо идти на улицу и стоять в мясном, куда люди за костями в шесть утра очередь занимают, эта раем покажется. Тем более, что фасуется она для инструкторов, опять же. Нужным и своим людям, как это принято, рубщик мог постараться килограммов пять отборной свининки качнуть.

Рубщиком на хоздворе служил молодой розовощекий, в самом соку парень. Наблюдать его работу — одно удовольствие, быстро, споро, красиво мелькали сильные молодые руки, продавалось весело, с шуткой-прибауткой. Как-то она специально зашла попозже он уже заканчивал работу. Сели, покурили, познакомились. Оказалось, служил в Афгане, семья, дети малые, на двух работах, а здесь — так, приработок, три раза в неделю. Да и квартиру пообещали, из-за чего многие в ЦК высиживали. Сейчас же — на Оболони, в однокомнатной — хоть вешайся. Что-то она почувствовала тогда, чтобы не пойти дальше, в смысле мяса. Может, насторожило, что он и не думал бить клинья, вежливо и достойно себя вел. Как бы то ни было, но для первого раза приемлемо,

расстались друзьями. А дня через два он ей позвонил, какой-то друг уезжал в Евпаторию, нужны билеты.

— Это мы запросто, — весело пропела она в трубку, — мясом отдашь! Разговор как разговор, обычно в таких случаях отвечали что-то вроде — отработаю, или еще круче: отдам натурой — такой у них жаргон здесь. Но Валерий этот замолчал, слышно было не только как сопел в трубку, но и как натужно скрипели его мозги.

— Я лучше — в кассе, не надо. Спасибо... Я думал, может хоть ты... — и бросил трубку, прежде чем она сообразила, что в этой круговерти немного перегнула, перестаралась, следовало все же тактичнее быть.

Конечно, Валентина по таким пустякам и беспокоить не стоило. Она осторожно поделилась с Милкой, с которой вроде бы сдружилась за последнее время. Та сказала:

— Знаешь мой принцип: на работе никаких друзей, никаких врагов. И поменьше просьб, чтоб не зависеть ни от кого. На голову сядут — опомниться не успеешь. Что мне положено — отдай, что тебе — возьми и чеши, чем быстрее, тем лучше. Ну и, само собой, никаких романов. Здесь все на информации построено, каждый твой шаг обсуждают. Пришла на работу — считай, в пустыне — никого в упор не вижу, ничего не скажу

лишнего.

— Что, и про меня болтают? — Наталья попыталась придать голосу непринужденное безразличие.

— А как же? И еще сколько! А насчет романов, послушай, Наталья, ходят ко мне двое военных — один генерал, другой — полковник, компанию не составишь?

— Не могу я, Мила, не обижайся. Может, в другой раз, как-нибудь...

— И не на этой работе, — захохотала Милка. — Да я все знаю, просто так спросила, для проформы.

Уроки новой подруги подействовали и озадачили похлеще наставлений Валентина.

Ничего не получалось у нее и с квартотделом — ведущим и самым главным подразделением управления делами. Того самого, которое, за засилье в нем престарелых компартийцев называли «Управлением Дедами». И все эти деды, надо сказать, жили не хуже министров, распределяя все мыслимые и немыслимые блага. Они буквально сидели на цэковских льготах.

Возглавлял всемогущую структуру легендарный человек, бывший партизан-разведчик — назовем его Иван Ивановичем. Освободив Киев от фашистских захватчиков, молоденьким пареньком въехал в серое здание на Орджоникидзе,

да так и задержался здесь без малого до 1990 года. Под стать ему и заместители, которых почти за полвека бурной деятельности расплодилось больше десятка. И каждый имел персональный впечатляющих размеров кабинет с секретаршей и свитой «ответственных исполнителей», обязательно из родного села, прописанных в стольном граде Киеве. Всех заместителей и помощников, надо было накормить, напоить и снабдить всевозможными дефицитами. К зарплате каждого выдавались так называемые талоны, издания местной типографии, бумажки, которыми можно рассчитываться в буфете или за обедом в столовой. Суррогатные деньги ходили только на территории ЦК. А что? Удобно!

Каждый вел свою группу вопросов, не вторгаясь в вотчину другого. Работали по принципу: сначала сделай все для себя, семьи, детей, внуков, родственников и знакомых, и только потом приступай к выполнению заданий руководства. Кабинеты заместителей, как правило, находились в секретарском крыле, куда попасть, например, инструктору или заведующему сектором без специального пропуска — невозможно. На пропусках, понятно, сидели их же люди.

Обычно заместители прибывали на свои рабочие места в начале десятого, что считалось неслыханной вольностью. А уже после трех часов

кого-либо из них днем с огнем не сыщешь. Начинался их рабочий день с обильного и неспешного чаепития с бубликами и нежирным творожком, который доставлялся заботливыми секретаршами, больше-то им и делать нечего, кроме как шуршать в поисках дефицитов. Конечно же, врубался цветной телевизор, что бубнил фоном весь день. Чаи гонялись бесконечно. В повседневной деятельности каждый сотрудник «Управления Дедами» руководствовался правилом: никогда, ни за какие коврижки не брать на себя никакой работы. Любыми методами спихнуть задание на другого, причем, сделать это искусно, с уверенностью в своей правоте, чтобы руководству неудобно стало за саму попытку поручить что-либо. На аппаратном языке такая наука называлась спихотехникой.

Заместитель, который распределял квартиры, считался одним из самых влиятельных людей в аппарате ЦК. И хотя, на первый взгляд, его роль сводилась к выполнению уже подписанного секретарем, заведующим отделом и завизированного на всех уровнях заявления, именно этот 75-летний человек, страдавший старческими маразмами, решал судьбы цэковских очередников.

От одного его жеста зависело, где ты будешь жить — на Печерске или, скажем, в старой Дарнице. Никто, кроме него, не знал ситуацию с жильем в аппарате до конца. Он, например,

единолично распоряжался огромными шестикомнатными и пятикомнатными хоромами в престижных сталинских домах на Свердлова, Институтской, Карла Либкнехта, на той же Банковой. Кроме того, «накладывал лапу» на любую освобождавшуюся квартиру, особенно на Печерске, в Ленинском или Шевченковском районах. Нередко самые лучшие квартиры уходили с его благословения не тем, кто пахал не за страх, а за совесть, а нужным людям или родственникам из сел. Причем, никто не мог гарантировать, что делается это бескорыстно. И если воротил буфета и хоздвора местные острословы называли «Мафией баранок и бубликов», то квартирных — «наше жулье».

Инструкторам же, заведующим секторами, прочим «туалетным работникам» ЦК выделялось жильё исключительно «в курятниках» — почти что типовых многоэтажках с бестолковой планировкой и в необжитых и неудобных местах. Отказаться же от предложенной квартиры считалось большой глупостью и вопиющей ошибкой, поскольку второго варианта можно дожидаться годами — о тебе «забывали», дело забрасывалось в шкаф подальше, и не находилось пожаловаться кому. Не идти же опять, по второму кругу, к руководству, тем более, что и так в аппарате слушок уже гуляет — перебирает, мол, харчами, от квартиры

цэковской отказался.

У Натальи все уперлось как-то сразу и очень прочно, ей вообще ничего не предлагали, хотя некоторые девочки из общего отдела, пришедшие позже, свое получили почти сразу же. Что-то здесь было, какой-то существовал хитрый код — кожей чувствовала. И с Валентином ей никак не удавалось зацепиться, он почему-то соскальзывал с темы, сколько раз напрашивалась — облом, и все! Словом, полный тупик. Ни заместитель, ни начальник квартотдела в кассу не ходили, присылали своих пигалиц. Откуда только их выписывали, из каких деревень — ни кожи, ни рожи, одеться ума не хватает, зато апломба — что ты! И как-то случилось однажды, что она Таню одну, приятную вроде, из приемной управления по полиграфии и издательствам, улучив момент, спросила: не знаешь, как выйти? Та сразу умолкла, закрылась, набрындила губы, аж плечами передернула.

— Ну чего ты, Танюш, мне бы только зацепочку, я тебе отработаю.

Та странно так глянула.

— Может, дать кому-то денег?

— Ха-ха! И денег тоже. Знаешь этого хмыря из ЖККА?

— Так он же старый, как пень!

— Во-во! Ты как-то вечером к нему загляни,

он сам тебе все расскажет, это уже как договоритесь, я лично два раза оставалась на квартире у него на ночь, да и денег две тысячи передала, вот и получила на Татарке двухкомнатную клетушку, да еще в комсомольском доме. Туда — обратно пилить — ужас один. Специально к черту на кулички запер, подонки, семьдесят пять лет уже, ничего не может, мусолишь-мусолишь, с резинкой, она сползает, вспоминать не хочется. Теперь сказал, что поменять может, чтобы еще раз пришла. Ты представляешь?

— А по-другому никак нельзя?

— Нельзя, все так делают, если бабой вышла. Жуть и мрак полный!

Но самое говенное, когда рассказала Валентину, тот не удивился, значит, знал, отделался отговоркой, мол, надо не спеша пораскинуть, потому раз так заведено, то и обойти будет сложно. Идиот, на что толкает, подожди, кобель несчастный, я с тобой поквитаюсь! И времена смутные — перестройка, сокращение за сокращением, кассу-то пока не трогают, но за депутатские залы, кажется, всерьез берутся...

— Привет, мальчики, — стремительно, как всегда, в комнату ворвалась Наталья. — Слыхали новость — из Москвы бумага пришла, сокращают отраслевые отделы. Кого — совсем, кого — наполовину.

— Откуда известно? Опять слухи распускаешь? — прогудел как из трубы Иван.

— Мое дело предупредить, чтобы поздно не было. Милка сказала, к ней — инспектор из орготдела за книжками заходил. И нас, транспортников, тоже...

Валентин сидел молча, Иван закурил новую папиросу. Похоже, слухи, гулявшие коридорами, подтверждаются. Переглянулись. Сколько раз после того, как сократили Толю Марченко, каждый спрашивал себя: кто из них следующий? А может оба? Из четверых ответработников в отделе осталось двое. Согласно постановлению из Москвы, уцелеет один.

Побежала за водой, поставила кофе, хотела позвонить подружке, которая сидела сегодня с ее малым дома, да так и застыла с телефонной трубкой. Выскочила в туалет, закурила, глянула машинально в зеркало. А что, если сократят Вальку и останется Иван? Ее дела тогда — швах! Чтобы хоть какие-то гарантии, надо и к Ивану подкатиться, дать ему по-быстрому, перестраховаться. Тошнило от одной мысли, что придется ложиться с козлом вонючим в постель. Скажи спасибо, что с квартотделом спать не надо! Расхохоталась, гримасничая в зеркале на всю стену, громко, до слез. Валентина бросать, конечно, не будет, правда, больше двух у нее давно не было...

Не было — так будет!

Партсобрание

Для выполнения постановления ЦК КПСС по сокращению аппарата создали специальную комиссию. Транспортный отдел, к счастью, не попал под тотальное сокращение, как, скажем, отдел химии или тяжелой промышленности — тех сразу упразднили по примеру Москвы. В партии набирала силу борьба с административной системой, олицетворением которой считались отраслевые отделы партийных комитетов. Так что и транспортникам досталось по полной. Из двух инструкторов оставляли одного. Чтобы избежать ошибок и нелепых случайностей, перед партсобранием аппарата ЦК с каждым ответработником проводили индивидуальное собеседование, внимательно изучалось досье, характеристики, проводили даже опросы секретарей первичных парторганизаций.

Валентину не повезло. На собеседовании ему достался вчерашний инспектор, буквально на днях получивший повышение — многообещающую должность заместителя заведующего орготделом. Такие, как правило, из кожи лезут, чтобы доказать, что руководство не ошиблось, возвысив именно его в карьере. В аппарате о нем ходила дурная слава,

как о человеке, готовом ради продвижения, если не на все, то на многое. Короче, от него держались подальше.

Под Валентина рыл он, что называется, основательно, накопал прилично. Причем основные претензии не касались работы как таковой, к выполнению служебных обязанностей претензий не предъявлялось, их оказалось немного, и все они не выглядели существенными. Зато вышел на самое неприятное, чего больше всего опасался Валентин, — командировку во Львов. Тогда, под самый Новый год, в конце декабря, их разогнали по областям читать лекции. Ребята его хорошо приняли, за день отметился на бриллиантовой фабрике, кондитерской «Свиточ», на знаменитой львовской ликеро-водке, закончил лекцией на кофейной «Галичине».

Как потом узнал Валентин, этот карьерист не поленился во Львов командировать инспектора, где тот все вынюхал и предоставил докладную, в которой отразил и заколки с серьгами, и коробки конфет «Курочка Ряба», два ящика львовской водки, идущей на экспорт, и все прочее. Хорошо, что по документам все проведено, оплачено по себестоимости. Иначе можно было бы и должности лишиться, и партбилета. Но и так вонючее дело. Особенно сейчас, когда в Москве столько разговоров о чистоте рядов...

Вспомнил, как на одном из партсобраний аппарата Щербицкий в назидание всем проучил одного провинившегося: «Забрать удостоверение работника ЦК, а самого отправить по месту рождения!» У Валентина мурашки по коже. Надо же, какая несправедливость! Мало того, что чуть там не простудился, так еще не своим делом пришлось заниматься — ведь лекции должны пропагандисты да лекторы читать, теперь все это боком вылезло!

Как уладить, чтобы не попасть на карандаш начальству, тем более в доклад, с которым собирался выступать второй секретарь ЦК КПУ? Вот вопрос. За такое и в лучшие времена по головке не погладили бы, а сейчас, когда вся эта гласность... Не раз и не два Валентин подкарауливал этого инспектора, провожал домой, различными путями пробовал воздействовать, уже и Наталья в торг пошла — бесполезно. Наконец, сам инспектор — идейный оказался, гад, — дал почитать готовую справку. Ничего там не отражалось крамольного: ни про Львов, ни про шашни, лишь строгие, в духе времени, формулировки о необходимости укреплять дисциплину, когда перестройка только разворачивается, да прочие подобные умозаключения.

— Пожалел я тебя, — сказал инспектор. — Не

время сейчас сор из избы выносить. Вон первый заместитель организационного отдела из Москвы, Разумов, второй месяц в ЦК сидит, блох выскивает, а мы сами ему на тарелочке преподнесем... Считай, повезло. На партсобрании твоя участь решаться не будет.

Валентин поблагодарил, извинился за то, что столько хлопот доставил. Но от сердца не отлегло. То, что на собрании, может, удастся проскочить на вороних — это хорошо. Правда, еще под вопросом. А как с сокращением? Инспектор только плечами повел:

— Сие от меня не зависит. В целом, отзыв положительный, а там — как руководство решит.

То есть, непонятно: кого же из них двоих уберут — то ли его, то ли Ивана...

Партийные собрания обычно проходили в так называемом сером, главном здании. Если в «белом», где размещались отраслевые и вспомогательные отделы и где сидели Дед с Бабой, «процветала» вольница, курили, не прячась, в кабинетах, балагурили в коридорах, приглашали кого хотели и решали личные вопросы, как в каком-нибудь большом обкоме, то в «сером» — царила жесткая дисциплина, граничащая почти с казарменной. В коридорах — гнетущая тишина, пустынно, редко кто промелькнет на доклад с бумагами да инструктора перепуганные носятся в

машбюро. Здесь святотатством считалось уйти домой раньше семи, а то и в полвосьмого. Начальство пересиживало друг друга, позволяя себе только поздно вечером в буфете выпить чаю и съесть какую-нибудь сардельку. Встретив на лестнице спешащего домой подчиненного, скептически улыбнуться:

— А что — инструкторам, они уже и по домам собрались.

Никто, понятно, не курил, не кричал, не таскал кульки с продуктами, даже пропуск заказать знакомому разрешение замзава требовалось, ибо, хотя и считалось, что в ЦК мог пройти любой коммунист по партбилету, по жизни не получалось. Увидев коллегу в коридоре, обязательно здоровались, если же по ковру навстречу шествовал начальник, его следовало учтиво пропустить, впрочем, не особо акцентируя.

Имелись, правда, и в» сером» здании свои шутники, экстремалы. В основном, ребята, которых повыдергивали в отдел пропаганды из газет и институтов. Не раз на партсобраниях в отделах ставились по ним вопросы, а секретарь по идеологии, желчный и злой мужик, тупо делающий карьеру, выговаривал заведующему отделом:

— А что же ты хотел, сам таких набираешь — то из газеты, то из института. Вместо того, чтобы в ЦК попадали проверенные, апробированные кадры,

прошедшие школу райкомов, горкомов партии, поварившиеся в обкомовском котле. А ты — из газеты...

Хохмы и приколы, которые устраивали местные шутники, почти всегда оканчивались плачевно для их организаторов, но те не унимались, выдумывая все новые глупости, от которых и само начальство посмеивалось втихаря. Скажем, можно было иногда наблюдать молодого человека, явно новичка в этих стенах, медленно и старательно вышагивающего по самому центру ковровой дорожки, неестественно высоко поднимая ноги. На жаргоне шутников: плывет, как лебедь по дерьму. Сам же новичок уверен, что таким образом он продлевает жизнь ковровой дорожки.

Бывали розыгрыши и покруче. Кандидату из области перед собеседованием с секретарем по идеологии — его почему-то шутники особенно не любили — в последний момент сообщали, что тот, мол, глуховат немного на одно ухо, поэтому говорить с ним надо погромче, а то не поймет, настроение испортится и т. д. Входит такой кандидат в кабинет впечатляющих размеров да как заорет с порога:

— Добрый день, Петр Петрович!

А Петр Петрович в это время стоит лицом к огромному окну и задумчиво смотрит на осенний спелый каштан, философски размышляя о

сложностях бытия. «Раз не отвечает, значит, не услышал», — полагает кандидат, и уже намного громче, почти как на стадионе:

— Добрый день!!!

А тот:

— Да не орите так, вы что, глухой!

— Кто, я глухой? Да у меня слух...

— Садитесь, давайте документы, только кричать не надо, я хорошо слышу.

— Да? А мне говорили...

«Какой-то он странный, и кого только мы набираем, черт-те что. И рука потная. Не нравится мне все это...»

Сам же секретарь слыл большим поклонником черного юмора, хотя и не подозревал об этом. Так нарекли его все те же шутники — за взбучки и реплики, которые он бесплатно раздавал подчиненным: «А голова тебе зачем, для прически?», «Ты бы еще в плавках сюда явился!» — один из подчиненных в сорокаградусную жару зашел по вызову в субботу в рубашке и галстук, без пиджака. По субботам, кстати, в «белом» корпусе практически никто не выходил на службу, только в экстренных случаях, тогда как в «сером» — полно людей, трудившихся над бумагами обычно часов до четырех.

Один подвиг вошел в анналы и передавался из уст в уста. В партии проводились совещания с

редакторами газет всех уровней, на которых с докладами выступали секретари по идеологии. Появилась редкая возможность не только отличиться, но и блеснуть — грех не воспользоваться.

И секретарь показал класс работы. Только структура доклада была выписана помощниками на 22 листах машинописи и включала разделы, главы, подзаголовки, большие и малые части, предусматривала научные и аналитические изыски. По идее сам доклад запросто мог претендовать на докторскую диссертацию — около семисот страниц текста, начиная с методологических выкладок, вплоть до ста конкретных рекомендаций. Отдельный раздел посвящался разбору практики — инструкторы перешерстили более 300 районных и городских газет, надергав оттуда горы примеров, как не надо писать. Готовила доклад специальная группа, уединившись на одной из, как их называли, конспиративных квартир, предназначенных для написания докладов на пленумы и съезды ЦК.

Процесс зачитывания эпохального труда занимал три часа сорок минут, поэтому в регламент проведения внесли убойный пункт: «Предлагается каждый перерыв через каждые два часа работы, которую закончить по возможности сегодня». Отдельная забота — найти зал, ибо ожидался приезд 700 человек из областей и районов да еще

100 — приглашенных из Киева.

Съехавшиеся в хорошем настроении редакторы, не подозревали, что им предстоит. Накануне в гостиницах они плотно пообщались, самые энергичные так и не нашли времени, чтобы соснуть хоть на часок, о чем потом весьма жалели. Наутро, наскоро побрившись и выпив кофе, прибыли в огромный зал новой ВПШ на Мельникова. Когда же озвучили регламент, аудитория недовольно загудела: к чему все это? Да в Москве провели за два часа в присутствии Яковлева, мы что, дети? Здесь опытные, подготовленные люди...

Предваряя эти настроения, секретарь покритиковал некоторых, кто прибыл за партийные деньги в Киев прохлаждаться, а не работать, и начал чтение доклада. Действительно, в аудитории сидели опытные редакторские кадры, некоторые сохранившиеся еще со времен Хрущева, много повидавшие в жизни, но даже им в самом страшном сне не мог привидеться такой четырехчасовой консервативно-демагогический и нудный, на их вкус, доклад. Под конец аудитория недовольно шумела, никто не слушал и не воспринимал. В курилке стоял густой дым и мат. «Они бы нам новые машины дали, на нашей рухляди до села не доедешь, все рассыпается, молодых выпускников присылали в районы, зарплата с гулькин нос, а нам

трактаты читают!» Досталось и инструкторам: «Вы же бываете на местах, неужели нельзя вписать в доклад наши нужды?»

На следующий день непосредственных исполнителей ждал разнос недовольного докладчика:

— А эти инструктора, как баре, развалились в первых рядах, нога на ногу! Вместо того чтобы навести порядок в зале! Да и конспектировать мои мысли — никто ничего не записывал, вы думаете, я не видел!

Вот как: оказывается, мало составить и написать за него доклад, надо еще сесть в первый ряд и самым старательным образом конспектировать!

Так что коллеги из белого здания, если по какой служебной нужде попадали в серое, старались начальству не бросаться в глаза. Мало ли что...

Партсобрания же всего аппарата проходили именно в основном корпусе. На них присутствовал, как правило, сам В. В. Щербицкий, что использовал их как средство воспитания аппарата, публично критикуя зарвавшихся заведующих отделами, их замов и своих помощников, которые свили себе, понимаешь, теплые гнезда и не шибко стремятся улучшать качество бумагопотока. Старожилы знали о неписанном правиле: покритиковали тебя на

партсобрании — готовь манатки, на выход, поскорее записывайся к стоматологу в цековскую поликлинику. Увольнявшемуся предоставлялась возможность бесплатно вставить зубы.

Все это время Валентина не покидало нехорошее предчувствие. Несколько дней он находился в командировке у самого черта на куличках — в заброшенном городишке Рени, Одесской области, насквозь напичканном странными, если б не сказать больше, гагаузами — то ли народностью, то ли национальностью, смесью цыган с румынами и молдаванами.

Здесь размещался крупный порт, хозяйство Ивана, который по распределению обязанностей вел «воду». Да вот незадача, накануне его отправили в Кировоград в составе развернутой бригады — готовить вопрос на Политбюро. И жалобу, пересланную из ЦК КПСС, послали проверять Валентина. Ну, и досталось ему! Первые дня два в Одессе еще ничего. Когда же приехал в Рени — ночь поездом в холодной плацкарте — со всех сторон навалились жалобщики.

Начальство в этот медвежий угол, по всему видать, не доезжало. И хотя Валентина местные руководители завезли в гостиницу почти нелегально, весть о таком высоком госте моментально облетела городок. Почти круглые сутки к нему шли просители, гостиницу осаждали

недовольные, пришлось милицию выставить. Он сглупил, начал прием граждан, за день прошло больше шестидесяти человек, и у каждого — свои неразрешимые проблемы: то земли кусок отрезали, то за пьянку выгнали с работы, трое детей, как жить? В драке на танцах покалечили сына, а прокурор-взяточник, хулиганы откупились.

Этот самый прокурор, молодой парень, выпускник одесской юракадемии, посоветовал: разбирайся строго по своей жалобе и уезжай побыстрее отсюда, а то будут и за тобой, как за мной, каждую ночь, гоняться вокруг дома с топором. Традиция здесь такая: молодого вина накушаться и прокурора топором гонять.

Как это часто бывает в аппарате, Валентину в довесок всучили анонимку на второго секретаря райкома. Когда прочел — нехорошо стало, сплошная грязь, жутко не любил в дерьме копаться. И сколько раз вносили предложения, во все документы записывали, на партийных собраниях в отделах и всего аппарата не высказывался по поводу писем без подписей только самый ленивый, жаловались, куда только можно, вплоть до ЦК КПСС — глухо. Москва насмерть стояла.

Ну что это, в самом деле? Сколько больных людей, не говоря об обиженных и обделенных судьбой, «катали телеги» на руководителей! Причем, в самые высокие инстанции — в горкомы

и обкомы почти не обращались. Подавай ЦК КПСС, на худой конец — ЦК Украины, не ниже! Из Москвы все письма пересылались в Киев. Здесь, по примеру старших товарищей, их спускали дальше вниз — в обком. Оттуда — пересылали на место, откуда жалоба пришла. Так как отвечать было некому, автор неизвестен, в самом низу жалобу «закрывали». Через некоторое время анонимка повторялась. И так без конца.

Хуже всего, если ЦК КПСС ставил письмо без подписи на свой контроль и требовал ответа от ЦК Компартии Украины. Тогда для проверки «сигнала» в командировку на место выезжал инструктор. Тратилась уйма времени, масса людей отвлекалась от работы, не говоря о моральном ущербе, все это нервировало, выводило из себя. Как правило, факты, приведенные в письмах, не подтверждались. Но это не останавливало тех, кто строчил доносы. Теперь в их орбиту попадал проверяющий из центра. Либо необъективно разобрался, либо в сговоре с «виновником», а то, не исключено, взятку взял. Согласно московской инструкции, если фамилия проверявшего «всплывала» в повторной жалобе, тому нельзя было поручить очередное рассмотрение. Выезжал другой работник. Если даже и не обнаруживалось что-нибудь «нечистое» со стороны коллеги, то все равно выводы для вышестоящей инстанции делались аналогичные

первичной проверке — срабатывала корпоративная солидарность.

В Москве, на Старой площади, тоже не дураки сидели, прекрасно все понимали, но упорно гнули свою линию. Во главе пирамиды стоял лично многолетний зав. общим отделом, авторитетнейший теоретик и автор методик по работе с письмами Константин Устинович Черненко. Именно в его бытность генсекком родному общему отделу (попросту говоря, канцелярии вкупе с машбюро) был присвоен первый номер, как ведущему отделу по всей КПСС.

По закону бега по кругу вскоре следовала очередная анонимка, посылали третьего человека, и так до бесконечности. У каждого инструктора или консультанта в сейфе хранилась не одна папка с копиями ответов и документов. Эта работа забирала не только время и нервы, но и государственные деньги, однако все оставалось, как шутили те же «пропагандисты», «по-Брежневу». Товарищи из Москвы полагали, что на местах происходит зажим критики вплоть до расправы за нее. Потому люди и вынуждены сигнализировать без подписи, опасаясь мести кровожадных парткомов. При этом никто не задумывался, сколько пострадало в результате бесконечных проверок невинных людей, ведь дыма без огня, как известно, не бывает. А скольких людей компрометировали зря, и те ответить,

оправдаться, доказать свою правоту не могли — адреса-то информатора нет, к кому апеллировать?...

Из десяти пунктов обвинений в адрес второго секретаря райкома отпало девять. Остался один — будто бы он, отец четверых детей, вовсе не является примерным семьянином, а сожительствует с заведующей сектором учета райкома комсомола. Валентин напросился в гости к секретарю — в двухкомнатную квартиру завидной в этих местах допотопной трехэтажки, в которой «жило на широкую ногу и припеваючи» (так в анонимке) партийное начальство. Удивили жену столь ранним приходом, та ждала мужа не раньше восьми, ужин не готов, выпили поллитру, даже со старшими детьми мяч побуцали в коридоре. Секретарь чувствовал себя не в своей тарелке — что-то вынюхивает гость из Киева. Валентин, зазвав того в комнату, прикрыл дверь и ознакомил с сигналом.

— Девять пунктов не подтвердились, как проверить десятый, ума не приложу.

— А его надо обязательно проверять?

— Могут еще одного инструктора прислать.

— Ну, тогда зови жену, покажи ей этот пункт. Та долго смеялась.

— Да пусть бы, мне разве жалко, только мы два года, как отдельно спим.

Секретарь сидел багровый, как буряк.

Пошли к нему в гостиницу. Валентин предложил зайти «бахнуть по рюмашке», в связи с окончанием проверки анонимки. Только не суждено было — еще на подходе увидели толпящихся людей.

— Тебя ждут, — сразу определил секретарь. — Жалобы принесли, что ты заказывал. Бессонную ночь гарантирую. Ты отпусти меня, пожалуйста, я тебе кого-то пришлю сейчас на подмогу.

— Да, у вас здесь весело, как я погляжу.

Прокурор-то местный прав оказался: начальникам районным пришлось в пожарном порядке эвакуировать представителя из центра через черный ход райкома партии на стареньких «Жигулях» второго секретаря с занавешенными окнами. На трассе догнали рейсовый автобус «Рени-Одесса», куда Валентина и сгрузили к обоюдному удовлетворению.

К тому же, как на зло, та жалоба «горящая», срок рассмотрения истекал — два дня он ее добивал в Киеве, шлифовало начальство — на контроле ЦК КПСС, отвечать в Москву, перепечатывали раз десять...

Чуть не опоздал на партсобрание аппарата, — двери в зал закрывались охранниками за пять минут, чтобы по залу не шастал никто после того, как В.В. с членами политбюро рассядутся. Обычно

Валентин приходил пораньше, пошептать со знакомыми, выбрать укромное местечко, чтобы тебя видели поменьше, а ты — всю картину мог наблюдать. Сегодня едва успел, прапорщик в пограничной форме глянул с укоризной. Мест свободных не просматривалось, пришлось пробиваться в первые ряды. Увидев свободное кресло, плюхнулся, едва не задев соседа, извинился: чуть не опоздал!

— На такие мероприятия, молодой человек, — сказали ему, — надо приходиться пораньше, мой вам совет.

Валентин обмер. Его соседом оказался заведующий отделом административных органов, он же — секретарь парткома аппарата ЦК! «Куда это меня занесло?! Не хватало еще...» — он не успел додумать, как с переднего ряда к ним повернулся человек, лицо и имя которого хорошо известны не только в республике — в праздничные дни его портреты несли в колоннах демонстрантов.

— Ну что, Аркадий Степанович, — густым басом забубнил он, — товарища Разумова приглашали на партсобрание?

— Приглашали, Владимир Васильевич, да он отказался. Говорит, это ваше внутреннее мероприятие, не хочу мешать.

— Тогда давайте начинать. — В.В. почему-то посмотрел на Валентина.

Тот сидел не живой, ни мертвый. И хотя на партийных собраниях, где по Уставу КПСС, все коммунисты равны в правах, свое место надлежало знать четко. Угораздило же так влипнуть, рядом с членами политбюро сесть, как теперь отсюда лиять?

Все дальнейшие события происходили, как в тумане. С докладом выступал второй секретарь. Должность второго лица в партии Украины он получил исключительно за то, что был старше по возрасту В.В. на целых два года. Это позволяло вождю чувствовать себя молодым и относительно демократичным, в то время как второй играл роль цербера или цепного пса, наводя ужас своими разносами. Говорят, он даже карту мира использовал в этих целях, во время беседований с кандидатами на высокую должность вдруг тыкал карандашом в нее: «Это что такое? Не знаешь? Иди, учи карту мира!» Надо ли говорить, что лучшего докладчика по вопросам дисциплины нечего искать.

Сегодня же второй секретарь, известный своими железобетонными подходами, превзошел самого себя, сфокусировав всю силу и мощь ослепительного гнева на всякого рода мелочах типа опозданий, неумении организовать работу, бичевал личную расхлябанность, призывал денно и нощно соответствовать высоким идеалам марксизма-

ленинизма и т. п.

Глядя на этого одряхлевшего человека, напичканного догмами пятидесятых годов, Валентин вдруг вспомнил, как в студенческие годы они в шутку пытались представить своих профессоров, таких же престарелых компартийцев, дома, в постели, как они спят со своими женами. И давились со смеху.

«Удивительно, какая ерунда в голову лезет в самые неподходящие моменты. Не хватало еще расхохотаться здесь, среди всех этих держиморд».

— Надо взять под особый партийный контроль наведение порядка в столовых, рабочих общежитиях, базах отдыха, в цехах и на предприятиях, — секретарь ЦК захлебывался от праведного пафоса.

Валентина всегда мучила мысль: неужели они настолько наивны, что не знают, что из рабочих столовых и баз отдыха все уже украдено. Или же делают вид, как этот секретарь, в последний раз посещавший важные объекты соцкультбыта в пятидесятые годы.

Первым в дебатах выступил заведующий цеховским агитпропом Леонид Кравчук. Он нравился Валентину чисто внешне. Когда Кравчук шел по коридору, его дорогие костюмы излучали приятный впечатляющий отлив, а в бриллиантовых запонках отражались блики света. Сам он выглядел

всегда ухоженно и обычно пребывал в хорошем расположении духа, будто только что сытно отобедал, съел вкусный десерт и выпил кофе с коньяком. На партийных собраниях, пленумах ЦК он обычно выступал первым после докладчика, «забойщиком», задавал тон обсуждению. Тем не менее, ему удавалось, несмотря на официоз, высказывать иногда дельные вещи. Уже его первая фраза заставила замолчать гудевший зал.

— В своей повседневной работе мы должны учитывать, что в последние минимум восемь-десять лет практически не только не наступило сколько-нибудь заметного улучшения в условиях жизни людей. Если называть вещи своими именами, то эти условия ухудшились.

— Сомнительный тезис, — бросил реплику кто-то из сидящих рядом с Валентином членов политбюро. Сделал нарочито громко, чтобы услышал В.В.

— Думается, — звучало дальше с трибуны, — мы не учитываем и того, что основная масса наших людей живет на грани бедности. Это — пенсионеры, студенты, учителя, врачи, большая масса служащих, то есть те, кто, как говорится, живет копейка в копейку, от зарплаты до зарплаты. Именно эта среда служит наилучшей почвой для недовольства.

— Ох, эти социологи доморощенные,

идеологи, им бы только языком болтать! — кто-то бросил еще одну реплику в расчете на реакцию В.В.

В зале стало непривычно тихо. Оратор, отпив немного воды, посмотрел в зал и выдохнул:

— Безудержный рост цен, махровая спекуляция, прикрываемая кооперативами, усиливающееся расслоение людей, возросшее количество краж, грабежей, появление на улицах городов бандитов-рэкетиров — все это, товарищи, не может не вызывать недовольства людей. В том числе недовольства политикой, которую и мы с вами проводим.

— Подожди, Леонид Макарович, — В.В. наконец прервал оратора. — Ты вроде бы доволен, что так все складывается. Кто вам конкретно не дает возможности вести повседневную, кропотливую работу по решению насущных задач в области экономики и социальной сферы? Сколько у вас по отчетам проходит агитаторов, политинформаторов, пропагандистов, лекторов? Наверное, немногим меньше, чем всего работающих. Так в чем же дело? Или это все липа, дутые цифры, чтобы процент справный вывести? Или взять средства массовой информации. Редакторы республиканских газет не брезгают лишний раз в буфет зайти за колбасой, в то же время в печатных органах ЦК допускаются искривления линии партии, погоня за жареными

фактами, смакование теневых явлений. К чему мы призываем, чего добиваемся? Вот и вся ваша пропаганда. (Аплодисменты.) Продолжай, если у тебя есть еще сказать что-то. А то, что ты до этого говорил, всем и без тебя известно.

И партсобрание покатило своим чередом. Один только раз вздрогнул Валентин, когда В.В. вполголоса обратился ко второму секретарю, указывая на Кравчука:

— Нельзя ему верить до конца, Ровенщина есть Ровенщина, — намекнул на место рождения завагитпропом.

Пока выступали другие ораторы, Валентин успел получше разглядеть шефа республиканской парторганизации. В жизни он выглядел не так, как на портретах и по ТВ. Черты лица массивные, тяжеловесные, выглядел намного старше того образа, что рисовали на портретах. Голос впечатлял — настоящий, густой тембр курильщика, волосы редущие, зачесанные назад, высокий лоб исчерченный морщинами, усталые водянистые глаза, смуглая старческая кожа. По одному движению пальца этого человека решались судьбы десятков тысяч людей.

Когда он вышел на трибуну для заключительного слова, в зале стало тихо-тихо. Привычно, вполголоса, уверенно и спокойно он начал зачитывать заранее заготовленный текст.

Отточенные политические формулировки эту аудиторию интересовали мало, важно было не пропустить детали, намеки, вся соль в них.

Валентин облегченно вздохнул, предвкушал, как минут через пятнадцать-двадцать, не заходя в отдел, спустится на Карла Маркса в подвальчик и закажет буфетчице Людмиле сразу 150 граммов «Арарата», пять звезд, чтобы снять напряжение этого кошмарного дня. Скорее бы... Дальнейшие события, увы, развивались по другому сценарию.

— Вот еще товарищи дали пример, — В.В. на секунду отвлекся, чтобы выпить глоток воды. — Работает у нас в транспортном отделе инструктор Дидух такой. Так вот, товарищи сообщают, что за день до Нового года, этот, с позволения сказать, энтузиаст посетил во Львове ряд предприятий — кондитерскую и бриллиантовую фабрики, ликероводочный завод, кофейную «Галичина». Уж какую работу он там проводил, трудно судить, ведь этот инструктор у нас курирует авиационный транспорт. (Смех в зале.) Как докладывают товарищи, без подарков и сувениров он оттуда не уехал, и это не смешно, товарищи. Такие энтузиасты позорят нас, бросают тень на честное имя ЦК, партии в целом. И с такими фактами мы мириться не будем. Кстати, он присутствует сегодня? Пусть поднимется, мы на него посмотрим.

Валентин приподнялся.

— Ну вот, видите, где сидит товарищ... Так сказать, не по рангу.

Теперь сомнений никаких не было. Все это было подстроено заранее — и Рени, куда его сослали, чтобы легче дело шилось, и Ивана убрали, и инспектору поручили, тому, что замзавом только стал, и он, сука, наврал тогда, успокоил. Что же теперь? Неужели позором на всю жизнь заклеят?...

Валентин кивнул Людмиле:

— Еще сто «Арарата».

— Не много ли будет?

— Гуляем сегодня, повод есть.

За что только меня так? Сказали бы сразу: сокращаем тебя, твоя, мол, очередь, выходи строиться. А так — с позором, пять лет безупречной службы — коту под хвост. Погорел в ЦК, шутка ли сказать, куда теперь? Запасной вариант, если что, в Кабмин устроиться ребята давно зовут, сейчас — черта с два. Успел заметить: двое цековцев заглянули в подвальчик, их братия сюда частенько наведывалась. Заметив его, погорельца, быстро выскочили на улицу, так ничего и не заказав...

На самом деле, как выяснилось много позже, инспектор, что шил дело, не шибко-то и виноват был. За час до партсобрания его вызвал заведующий организационным отделом,

просматривавший все материалы перед собранием, и сказал:

— Как-то беззубо получается, изюминки не хватает. Вы же во Львов человека посылали, может, там что-то вскрыть удалось?

Выслушав, дал команду:

— Быстро этот примерчик со всеми деталями на страничку выписать, мы его В.В. дадим озвучить...

Щербицкий В. В

Часы показывали половину первого ночи. По давно укоренившейся привычке Владимир Васильевич Щербицкий, или В.В., как его называли наиболее приближенные к коридорам власти аппаратчики, отложил в сторону одну из трех пухлых папок с почтой, поднялся из-за стола, стал медленно прохаживаться по огромному кабинету. Впрочем, за семнадцать лет работы он давно свикся с его размерами, не замечал их, как не замечают, скажем, воздуха, которым дышишь. Он сросся с этим всем — массивной дубовой мебелью темного оттенка, большим красно-коричневым ковром, на который если кто попадал из подчиненных за дело, очень быстро становился и сам такого же цвета, основательными медными люстрами — старыми, еще довоенными, антиквариат. Под стать и

барометр на стене, казалось, он висит здесь вечно, также как большой вращающийся на роликах глобус. Помощники наклеивали на карты стран таблички с последней информацией и изменениями, происходившими в географической и политической обстановке.

Ничего лишнего, вычурного, легковесного, модного. Тем не менее, детали казенной, отмеченной инвентаризационными бирками обстановки, могут пролить немало света не только на привычки, но и характер хозяина кабинета. Сам он — высокорослый, статный, ширококостный, с властными чертами увеличенного лица, выразительными глазами, волевым подбородком, с аккуратно зачесанными назад редующими волосами, — не любил этого слова — «хозяин». Уж слишком напоминало оно о Сталине, ночных бдениях и прочих традициях, заложенных предшественниками, от которых сейчас страна и партия решительно отмежовывались.

Вошел в этот кабинет тогда, в 72-м, после пленума ЦК, на котором его избрали первым секретарем ЦК, распорядился выбросить старую шелестовскую рухлядь, и с тех пор здесь почти ничего не поменялось. Основательность, фундаментальность всегда и во всем, до мельчайших деталей — вот, пожалуй, сердцевина, стержень его характера. И в докладах, во всех

выступлениях любил крупные мазки, обобщения, построенные на анализе, суммарные цифры, объемные показатели да еще в динамике, если приводить статистику, то такую, чтоб дать мозгам пищу для размышлений. А на мелочи размениваться не любил, чтобы там подробности какие, технология... Уж если просился какой-либо конкретный пример в доклад на пленуме или съезде, так его выписать, чтобы и на Донетчине, и во Львове прочувствовали: сказал — то, что надо, не в бровь, а в самый глаз, и главное — правду, так оно и есть, все, как в жизни, соответствует, правильно партия подмечает недостатки и указывает пути их исправления.

Подошел к окну. Занавеска чуть сдвинута, верный знак, что хозяин в кабинете. Если зашторена — с улицы, кто в курсе, сразу скажет: В.В. на месте нет. А когда немного отодвинута — значит у себя, работает. Прямо под окнами прохаживается охранник — служба! В приемной — круглосуточное дежурство. По любому вопросу вся республика звонит на приемную Щербицкого. Здесь распоряжается опытный аппаратчик, соратник со времен Совмина, которого местные шутники за глаза называли Поскребышевым. В.В. делал вид, что не замечает. Дуралеи! Это со стороны, для непосвященных только кажется, что в приемной работа — не бей лежачего.

Именно отсюда, с ответственных дежурных и начинается ЦК, республиканский штаб. И от того, как дежурный ответит на телефонный звонок, пусть самый пустяковый, иногда глупый, а звонили сюда и умственно больные люди, и прохиндеи, да кто угодно! — складывалось мнение обо всей партийной организации. Первая приемная — ее лицо, стиль. Ошибешься здесь, не так ответишь, не проявишь необходимой выдержки — сразу круги, как по воде, пойдут в народе. Доказывай потом, что ты не верблюд. Но это не означает, что перед каждым надо бисер метать, добреньким и беспринципным прикидываться. Нужно уметь и отказать, если этого требуют интересы дела. Но опять-таки без апломба, чтобы избежать грубости, такт проявить, умело, так отказать, чтобы не обидеть, наоборот, — подбодрить, чтобы у человека крылья за спиной выросли. Образно, конечно, с натяжкой, но умение ладить с людьми, ориентироваться в самых неожиданных ситуациях, понять, ухватить суть проблемы или жалобы — для этого талант особый нужен. И каждый, кто звонит сюда, — непременно хочет говорить с самим Щербицким. Если автоматически «футболить» всех подальше — ничего путного не выйдет. Но и принимать каждого жалобщика или разговоры разговаривать — ни на что другое времени не хватит, захлебнешься в текучке, упустишь главное!

А сколько таких звонков за день! А за год, а за десять лет!

Или взять, например, работу в общественной приемной, ту, что с улицы, открытую, как говорят. Сюда, в ЦК, вход по партбилету, лишь бы взносы уплачены были — в любой отдел рядовой коммунист попасть при желании может. Правда, на второй этаж, где его кабинет, других секретарей, общий отдел, секретная часть, помощники — специальный пропуск нужен, даже для тех, кто работает в аппарате. А в приемную с улицы — любой зайти может, даже беспартийный. Такие драмы разыгрываются, Шекспир бы позавидовал! И каждому — угодить должен! Скольких он знал завприемными, все одинаково заканчивали — инфарктами. А подбирали сюда людей с железными нервами, профессионалов, умеющих работать с людьми, опытных аппаратчиков. Но и у этих «железных» сердце со временем не выдерживало.

Нет, правильно говорят: в партийной работе мелочей не бывает. Как верно и то, что и сама она из мелочей складывается. Потому еще, что они, все, кто здесь работают, — все на виду, и любой промах, любая ошибка каждого — пятном на всю партию Возьмем сегодняшнее партсоборание. Вот, интересно, чем думал тот инструктор, запихивая в портфель банки с кофе, коробки конфет, бутылки коньяку и даже драгоценности после своих лекций?

И, наверное, говорил красивые и правильные слова про принципиальность, и про возрастающую ответственность, и про авангардную роль коммуниста. Перерожденец! Каленым железом таких из партии выжигать!

Он сглотнул набежавшую горькую слюну, повернулся и медленно пошел назад, к столу. Там, за зеленым малахитовым чернильным прибором лежала пачка «Мальборо», увы, пустая. Сколько же он сегодня выкурил? Где-то у самой шеи, слева, что-то защемило. Последнее время он все чаще чувствовал сердце. И даже когда ничего не болело, все равно как бы прислушивался, замирал, таил дыхание. После первого «звоночка от Бога» врачи строго-настрого курево запретили, почти год сигарет в рот не брал, испуг был сильный, да и не тянуло. Открыл дверь в «предбанник». Через небольшой коридорчик, где стояли сейфы — все старые, один даже довоенный, он любил такие вещи — прошел в комнату отдыха.

Здесь царил мягкий, приглушенный свет, было по-своему уютно в сравнении с казенным, почти казарменным кабинетом. Сел в любимое «реабилитационное» кресло, опустил спинку, комфортно устроился, достал нераспечатанную пачку, закурил, с наслаждением вытянул ноги. Пожалел, что бумаги остались в кабинете, а возвращаться туда не хотелось. «Последняя

сигарета на сегодня, завтра ведь рано вставать, пора по домам. А ведь в том, что живешь рядом с работой, есть и свои недостатки. Положим, жил бы на Десятинной, как когда-то, уже давно был бы дома — раньше начал бы собираться, одно сознание того, что водителя держит, охрану гнало бы домой, не давало распускаться. Теперь же, когда живет рядом, «в бункере», как называют известное в Киеве серое здание — за уродливую архитектуру и глухой металлический забор, домой совсем не тянет, ходьбы две минуты, успеется...

И все же перед уходом он таки «добил» третью папку почты, чтобы не расстраивать с утра заведующего общим отделом, ведь он явится пораньше и наверняка с новыми тремя папками. И В. В., как обычно, изобразив улыбку, спросит густым прокуренным баском:

— Есть что-то новенькое, Петр Кириллович?

И тот, подобострасно улыбаясь, как всегда, ответит:

— Как не быть, Владимир Васильевич, жизнь-то кипит, развивается, бьет ключом...

— И все кому-то по голове! — И В.В., скрипя сердце, заберет у него почту, а там опять работы часа на три. Да только где же их взять эти лишних три часа каждый день, когда и так ни сна, ни отдыха?

Как-то помощники подсчитали: за год он

пропускает через себя до десяти тысяч документов! И почта составляет только небольшую толику. Но зато очень важную. Взять, к примеру, первую папку — в ней «московские» документы, так называемая «особая папка» — конверты завождем вскрывает только в его присутствии. Все с самым серьезным грифом, фельдслужба доставляет, почте не доверяют. Постановления и решения Политбюро ЦК КПСС, «голосовки» — их все надо внимательно прочитать и завизировать со словами «согласен» или «не согласен». Если требуется дать поручение, прилагается соответствующая резолюция — кому и что надлежит сделать, кто осуществляет контроль, сроки исполнения. Он подписывает заранее подготовленную резолюцию. В этой же папке — информация о самых актуальных событиях в союзе и международной жизни, «белый ТАСС», сводки КГБ, МВД, радиоперехваты. Все под грифом — «Секретно» или «Совершенно секретно».

В отдельной папке — все, что касается Украины, информация на заседания Политбюро, Секретариат, из обкомов партии, министерств и ведомств, других органов власти. Как не фильтруются различные письма и обращения в общем отделе, а их с каждым годом все больше. И все это надо в ограниченное время перелопатить, пропустить через себя, отмести лишнее, отметить и дать ход важному. И так изо дня в день долгие

годы. Он заметил, как сатанеет, когда к нему в кабинет кто-то несет бумаги. Хотелось крикнуть им: «Да у меня своих достаточно!». И все труднее было улыбаться каждый день Петру Кирилловичу, а у того ведь служба такая. Да и не улыбка это — скорее, гримаса, которую он выдавал за улыбку, а его подчиненные вынуждены были принимать ее за таковую. Ничего, пусть на него молятся, иначе вспомнить придется Хрущева в этом кресле или, кажется, то был Каганович, не выдержавший нескончаемой пытки бумагооборотом, набросившийся с кулаками на своего заведующего канцелярией!

Уже дома, укладываясь, он вспомнил, что за весь день не выяснил, когда же на этой неделе играет «Динамо» — в пятницу или субботу, с этими дурацкими переносами совсем все запуталось, а ведь календарь игр — рядом, на столе пролежал. С самого утра хотел глянуть — так набросились со всех сторон, закрутили, задергали, что он и поддался. Завтра начну день с этого. Раньше хоть «Вечерка» киевская писала, можно было прочесть, сейчас же, как пришел новый редактор, превратил газету в свою вотчину, критикует партию, печатает письма в поддержку Руха. В.В. подозревает: сфабрикованные, дал команду органам разобраться. А другое мнение газета умышленно не показывает, есть сигналы, что письма с критикой Руха в

редакции по негласному распоряжению редактора уничтожаются, не регистрируются. И этот человек семь лет протирал штаны в аппарате ЦК! Какой позор! А ведь говорил Кравчуку тогда: нельзя его ставить, незрелый, не наш. Так Кравчук и сам, кажется не наш, он не верит ему до конца. Как же уснуть, если в голову одни неприятные мысли лезут? Выход один — принять снотворное.

Утро начал с голубей. Лелеял их всю жизнь, с отцовского дома, с Верхнеднепровска. Еще школьником начал с братьями и друзьями заниматься разведением голубей. А это занятие — только для людей добрых душой и сердцем, неравнодушных. Ничто так не отвлекало от рутины, не поднимало настроение. Годами выработанная привычка — каждое утро хоть на полчаса, на двадцать минут подойти к голубятне. Часами мог прислушиваться к воркованию, а когда запускал влет, свистел в два пальца. Свистнул негромко — центр города все же. И сразу же про футбол вспомнил. «Вот приду сейчас, закроюсь, телефон даже не подниму, когда звонить станут, пока не разберусь с календарем — не открою». Когда подходил к калитке, мысль мелькнула: да лучше Вале Горохову в сектор спорта позвонить, узнать, тот ведь на работу рано приходит. И связь с ним прямая, домофон установили в 1986-м, когда в финал Кубка Кубков вышли. И выиграли!

Оказывается, в четверг, то есть, сегодня играют, с московским «Торпедо». На стадион, конечно, вырваться не удастся.

— А как вчера «дубль» сыграл?

После небольшой паузы Валентин неуверенно ответил:

— Один — один, Владимир Васильевич!

— Ты сам-то ходил?

— Не смог, Владимир Васильевич, после партсобрания допоздна сидели, готовим отчет Спорткомитета на Секретариат. Инструктора нашего попросил, из отдела, заядлый болельщик, он поприсутствовал.

— Ну и кто гол забил?

Опять пауза, слышно шелест бумаг.

— Михайличенко, Владимир Васильевич. Наш «дубль» лидирует, и основной подтягивается, сегодня выиграем обязательно.

— Ты в команде давно был?

— Так сегодня едем с Леонидом Макаровичем, в двенадцать. Уже с Лобановским договорились.

— Привет ему передавай от меня. Скажи ребятам, что мы на них рассчитываем. Ты вот что, Валя, на следующей неделе заходите вдвоем с Погребняком, только с конкретными предложениями по команде, с выкладками. Кому и что помочь...

— Большое спасибо, Владимир Васильевич, я сегодня же ребятам скажу, обязательно вырвем победу!

— Спасибо тебе, будь здоров!

Ну и прекрасно, что футбол сегодня! Из-за большого совещания партактива, запланированного давно, на стадион, конечно, вырваться не удастся. Может, оно и к лучшему: день пройдет быстро, а вечерком спокойно в комнате отдыха посмотрит, и почту заодно разберет, не спеша, в одиночестве, чтоб никто не мешал, не мельтешил. Поймал себя на этой мысли и усмехнулся. Чем старше становился, тем больше тяга побыть одному, в тишине, не видеть подобострастных холуйских лиц, угодливых фальшивых улыбок, не слышать неуклюжих шуток и старых анекдотов. Как все и все надоели! То ли усталость тяжелой ношей давит, то ли действительно годы берут свое. И в семье нет успокоения. Кроме внуков никто и ничего не радует и уже давно. Ради внуков он, собственно, и живет. В сыне разочаровался, едва успевает вытаскивать из очередной ямы, у дочки — своя семья, тьху-тьху, чтоб не сглазить. Радусенька ему преданна, какой десяток лет идут рука об руку, но у каждого своя доля, а он не привык к себе в душу подпускать, пусть даже это будет и жена. Никогда о его работе не заговаривает, а он молчит, как задушенный. Сердцем-то она все чувствует, вздыхает тяжело, когда он

приходит за полночь, не спит, переживает. Как-то он ее спросил, после приезда Горбачева, когда тот потащил свою Раису к нему на Политбюро:

— Может, и ты теперь будешь присутствовать на моих заседаниях? Могу график показать...

Испугалась, бедная, рукой замахала:

— Что ты, Володя, Господь с тобой!

Жене он был благодарен, что никогда в его дела не вмешивалась, не лезла. Да разве бабское это дело? Горбачев, тот полностью увяз, под пятой Раисы, пикнуть не смеет. Неизвестно еще, кто страной правит — он или матрона его. Кстати, украинские корни у нее, где-то из-под Чернигова родители.

Здорово он их всех обкрутил! А ведь В.В. поначалу в него поверил, принял его сторону. Да и как иначе было поступить — после смерти Брежнева то один старец полуживой, то второй, мрут, как мухи, каждый год. Уже не только на Западе смеются, в родной стране народ ропщет — что же это за партия такая? Болтали, что его специально тогда за океан с визитом отправили, чтобы конкуренцию молодому генсеку не составил. Вздор все! Ему когда еще предлагал Брежнев покойный перебираться в Москву, сменить Косыгина. Нет, ответил, спасибо за доверие, Леонид Ильич, разрешите на Украине остаться. И потом от Андропова приезжали, когда Брежнев сам

зашатался — отказал. Формальные причины всегда найти можно, но себе-то он признавался: ни у него, ни у кого другого, сил, чтобы вывезти этот воз, стремительно несущийся с горы под откос, не хватит. Пупок только развяжется. Раньше надо было думать.

Все оказалось гораздо хуже, чем он предполагал — новые люди, дорвавшиеся до руля, оказались беспомощными бездарями, некомпетентными, да просто пустышками. В душе было стыдно, что когда-то он поверил в Горбачева. И сейчас, наблюдая, как неуклюже и неумело они ведут дело, как, по сути, рубят сук, на котором же и сидят, при этом смешно надувают щеки, мнят себя вождями, В.В. молил Бога, чтобы это скорее кончилось. Уповать приходилось разве что на чудо.

В свои силы он не верил, и это было самым страшным. В минуты все чаще приходивших теперь отчаяния и безысходности, он вспоминал, как в самом начале киевской эпопеи не побоялся и стал поперек Никиты. Никто не смел ему перечить, заглядывали в рот и аплодировали, а он, только назначенный Предсовмина, осмелился открыто выступить против и отстаивал свою позицию до конца. Не привыкший к такому поведению подчиненных, Никита легко, как ненужную шашку, скинул его с политической доски, отправив в Днепропетровскую ссылку. Тогда его и настиг

первый инфаркт. И если бы кто-то сказал тогда Никите, что через два года соратники, все, как один, продадут его с потрохами, а больной и смещенный Щербицкий вернется в Киев «на белом коне», он бы только рассмеялся. Партийный актив встретил его возвращение с таким воодушевлением и энтузиазмом, что он даже растерялся на первых порах.

Ведь было же? Почему сейчас он молчит? Что мешает занять принципиальную позицию и открыто выступить против дилетанта, а может, и не только, Горбачева и его окружения? Ведь партия и страна поставлены на грань выживания. Нет, второй раз он просто не выдержит. Дважды один на один с системой на поединок не выходят. Но и страшная развязка близка. Он никому пока этого не говорит, но себе врать — последнее дело. На что же надеяться? Может, все же найдется умная голова на весь ЦК КПСС, на Союз, что, наконец, прекратит эту вакханалию, вернет назад, расставит по местам, сохранит и партию, и страну убережет, ведь нельзя же смотреть, как все отваливается кусками!

И каждый раз, когда заходил Петр Кириллович с горой почты, мелькал светлый лучик: вот станет читать, и наткнется на документ, где всем творившимся безобразиям, наконец, дана настоящая партийная оценка, с классовых позиций расставлены акценты. Все предатели и

перерожденцы будут выявлены и названы, в том числе и руководители партийных средств массовой информации, получают по заслугам, а они, те, кто на местах, только этого сигнала и ждали, дружно, двумя руками, опираясь на поддержку народа, возьмутся за настоящую работу.

Но каждый день приносил новую почту, а документа, которого он так ждал, все не было и не было. Да что там! Ни в одном московском постановлении, ни в одной информации не давалось партийной оценки ни одному (!) чуждому и враждебному высказыванию или выступлению зарвавшегося «неформала» — ни одному страшному, немыслимому событию, даже когда кровь проливалась, когда армия шла против своего народа. Становилось ясно, что партия не в состоянии контролировать ситуацию, адекватно реагировать и влиять на происходящие в обществе процессы, а значит — утрачивает свое предназначение как авангарда, двигающей и направляющей силы общества. С таким выводом хоть сам в диссиденты подавайся!

Раздался требовательный звонок по «ВЧ». Помощник генерального секретаря Болдин сообщал, что у Михаила Сергеевича может возникнуть необходимость посетить Украину в сентябре-октябре. Визит краткосрочный, максимум — двухдневный.